

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В КОНТЕКСТЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ**

Международный сборник научных статей

**Новополоцк
ПГУ
2013**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.Д. Пустрова (Полоцк, ПГУ)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА:
РОЛЬ СУБМОРФНЫХ УНИФИКАЦИЙ С ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ

Как известно, пространство является одной из двух основополагающих категорий, с помощью которой человек интерпретирует мир и свое бытие в нем. Лингвистические исследования последних лет убедительно показывают роль языковых средств в отражении пространственного видения мира человеком. Одним из таких средств, на наш взгляд, являются так называемые субморфные унификации с именем собственным, то есть образования типа *Dolly–Molly*, *Suzie–musie*, *Вера–мера*, *Алеська–малеська*.

Целью настоящего исследования является показать проксемическую, то есть дистантно-образующую роль подобных объединений. Предполагается, что степени отдаленности / приближенности, коннотируемые данными образованиями, могут быть в определенной мере «ответственны» за создание гендерного образа употребляющего их коммуниканта. Непосредственной задачей исследования является установление разновидностей проксемических созначений, которые могут быть коннотированы субморфными объединениями с именем личным.

Многолетние наблюдения за вербальным поведением в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской), а также анализ записей подлинного общения на языках данных культур, составивших около 200 000 слов текста, позволили получить весьма убедительные данные о некоторых особенностях образования и функционирования названных унификаций [1]. Суммируя изложенную в ней информацию, правомерно утверждать, что фонетическое уподобление инициативных и последующих слов в составе субморфных унификаций достигаются с помощью весьма небольшого количества технических приемов, а именно: 1) повторения слоговой структуры инициативного слова с полным или частичным сохранением фонетического облика одного или нескольких его слогов; 2) разной локализации имени собственного в пределах субморфных унификаций; 3) изменения слоговой структуры последнего, «комментирующего» слова, как правило, не имени собственного, в результате чего данное слово приобретает дополнительный слог (чаще) или даже несколько слогов (намного реже); 4) изменения внутренней структуры одного из слогов последующего слова; 5) конструирования трех, четырех и пятичленных образований.

Представляется необходимым более точно определить понятия пространства и важнейшего его коррелята дистанции или расстояния, используемых в настоящей работе. Традиционно при изучении пространственных связей рассматривается именно мир текста, а дистантные отношения понимаются как неотъемлемое средство организации макроструктуры каждого конкретного текста, мощный механизм когезии. Возможен, однако, и другой взгляд, рассматривающий в терминах пространственных или дистантных отношений языковую картину мира в целом и ее фрагменты – конкретные тексты в отношении к создающему их человеку. Расстояния, на которых в языковой картине мира позиционируются осмысленные, освоенные языковой личностью реалии подлинного мира, могут быть действительно полезными для понимания особенностей функционирования языка, закономерностей отражения в нем человеческого опыта. Некоторые реалии окружающей действительности оказываются помещенными на относительно более значительные, отдаленные расстояния, другие – на привычные, нейтральные, третьи – на более приближенном или совсем близком расстоянии от «я» говорящего или пишущего субъекта. Примечателен в данном плане следующий фрагмент из записей подлинного говорения.

1. *Ды кавалачак той, во-о-ой, вялізны-вялізенькі, прама не з'ясі.*

Очевидным образом он называет отнюдь не малого размера реалию, однако представляет ее в уменьшительной форме, тем самым делая ее частью более близкого мира, такого, который может соотноситься с понятием «свой», а не «чужой». Диминутивность в данном случае является прежде всего средством манифестации расстояния, пространственной характеристики. *Вялізны-вялізенькі кавалачак* представляется более близкой реалией, чем *вялізны кус*. В других случаях употребления диминутивных форм созначение дистантности может быть не настолько очевидным, однако оно всегда присутствует.

В соответствии с нашими наблюдениями, подобным образом воспринимаются и субморфные образования с именами собственными: *Инна–минна*, *Женька–жменька*, равно как и *Doreen–Moreen* воспринимаются как менее отдаленные от говорящего субъекта, чем просто *Инна*, *Евгения* или *Doreen*. Для верификации данного наблюдения был проведен эксперимент с заменой унификаций с именем личным на 1) нейтральное, общепринятое имя или 2) тот вариант имени, который использовался в унификации. В качестве информантов были приглашены 6 носителей языка с высшим образованием (филологическим,

лингвистическим, негуманитарным, 3 мужчины и 3 женщины) для анализа текстов на каждом языке. Эксперимент проходил в два этапа. На первом из них задачей информантов было отметить возможные изменения в семантике текстов после замены встречающихся в них субморфных унификаций с именем личным (например: *Tetsy–metsy*, *Ленка–Лянок*, *Уха–Надюха*) на а) те формы имен, которые реализованы в составе унификаций, то есть *Tetsy*, *Ленка* (отдельно), *Лянок* (отдельно), *Надюха*; б) соответствующее юридическое имя *Elizabeth*, *Алена* и *Надежда*). Если информанты считали, что замена имени повлекла за собой изменения в тексте, то их задачей было, по возможности, отметить, какие.

На втором этапе эксперимента информантам, заметившим изменения в тональности высказываний или единиц ономастического именованя после замены унификаций на определенную форму имени личного, предлагалось ответить на прямой вопрос о правомерности интерпретации установленных изменений в терминах дистантных отношений. Допускаете ли вы, – спрашивали мы, – что анализируемые формы именованя субъекта (указывалось, какие конкретно) приносят коннотации приближенности или отдаленности, дистанцирования рассказчика от именуемого данным именем или образованием субъекта?

Результаты первого этапа эксперимента позволили убедиться, что модификации в семантике высказываний с изменением способа именованя заметны не только лингвистам-исследователям. Все информанты отметили, что замена унификаций на соответствующее имя личное приводило к появлению некоторых нюансов в семантике высказывания и, особенно, в семантике именуемых единиц. Конкретизация же данных изменений оказалась далеко не простым делом, хотя в значительном количестве случаев все информанты были в состоянии записать несколько – один-два (чаще) или более (реже) – конкретных описаний появившихся созначений.

Наиболее простыми для интерпретации оказались случаи замены унификаций на соответствующее имя юридическое, повлекшие за собой, по мнению информантов, появление коннотаций «официальности», «отстраненности», «нейтральности», «обычности», «формальности», «бесстрастности», «непричастности», «отчужденности», «публичности» и даже «холодности», «несвойскости», «недружелюбности» действия. Приводимые слова-конкретизаторы взяты из ответных листов и приведены в порядке частотности их употребления информантами. Как видим, только некоторые из них непосредственно соотносятся с понятием расстояния, дистанции, а именно: отстраненный, отдаленный и, возможно, отчужденный. Целесообразно принять во внимание, однако, что официальность, бесстрастность, публичность, формальность также подразумевают социальную дистанцированность. Кроме того, конкретизатор «отстраненный» в наших опросных листах оказался в списке трех наиболее частотных, а «отдаленный» на третьем месте по встречаемости. Как видим, ответы информантов дают серьезные основания полагать, что дистанцированность является значимым критерием в процессе интерпретации единиц вербального общения, а также при проецировании языковой картины мира говорящим субъектом.

Еще более убедительными оказались результаты второго этапа. Только одна треть коммуникантов ответила на прямой вопрос о возможности интерпретации созначений, привносимых неморфемными объединениями, в терминах дистантных отношений в относительно предположительной форме: «я думаю», «скорее всего», «думается», «скорее да, чем нет», «возможно», «похоже, что». Остальные дали однозначно утвердительный ответ.

Результаты эксперимента, проведенного на основе анализа фрагментов подлинного вербального поведения, содержащих субморфные объединения с именем личным, в значительной мере перекликаются с теми, которые были получены в ходе рассмотрения художественных произведений: двух коротких рассказов на белорусском и английском языках (см.: Ю. Зарэцкая «Сон» // Літаратура і мастацтва, 2010. – № 50. – С. 9 и Т. Chester «Are you there?» // And Other Stories. – New York: Banian Books, 1970. – P. 38 – 40). В обоих рассказах героини поименованы с помощью субморфных унификаций: *Лена–Лянок* и *Tetsie–letsie*. Примечательно почти полное совпадение данных унификаций с теми образованиями, которые мы зафиксировали в реальном говорении и которые вошли в список анализируемых в ходе описанных этапов эксперимента единиц: *Лена–Лянок* (бел.) и *Tetsie–metsie* (англ.). Не менее существенны, однако, и различия. *Ленка–Лянок* образована из двух уменьшительных форм, *Лена–Лянок* (из рассказа) – одной повседневной разговорной нейтральной (*Лена*) и уменьшительной *Лянок*. В результате данная унификация теряет одну из общих для обоих компонентов фонетических характеристик – звук /к/, что несомненно сказывается на степени чисто формального уподобления частей данной унификации.

В английском варианте различия еще более существенны. Зафиксированное в реальном общении *Tetsy–metsy* построено чисто по фонетическому принципу. Форма *metsy* сама по себе не существует как слово или другая смысловая единица языка. Кроме того, образование данного единства осуществлено с использованием звука /m/, который с разной степенью частотности используется во всех сопоставляемых в данном исследовании культурах для конструирования субморфных образований с именем личным. При этом звук /m/ имеет особый статус в личной истории, практически, всех коммуникантов, ибо он реализуется в одном из самых первых осмысленных речевых актов: *Mum! Mom! Mama!* Кроме того, он присутствует в словах, называющих самого говорящего субъекта: *мне, меня, мой, my, me*. Данное обстоятель-

ство, несомненно, усиливает коннотации теплоты и близости образования *Tetsy–metsy* и выигрывает в данном плане у *Tetsy–letsy*, даже несмотря на большую степень фонетического уподобления между составляющими последнего. Ведь /t/ и замещающий его звук /l/ имеют общую характеристику: по месту образования они оба альвеолярные звуки.

Что же все-таки несколько снижает коннотации тепла и близкой дистанции в последнем образовании? Прежде всего то, что помимо данных коннотаций, в нем присутствуют и другие: некоторое добродушное подтрунивание по поводу манеры говорения обсуждаемого субъекта, которая состоит в заметной частотности реализации выражений *let's see, let me see*, что превращает данное объединение в логически обоснованное, сообщает ему определенный смысл.

По нашим данным, представленным в специальном исследовании неморфемных унификаций с именем личным, логически обоснованные образования более частотны в вербальном поведении мужчин и составляют одну из характерных особенностей говорения мужчин. Не имеющие каких бы то ни было очевидных семантических референций чисто фонетические образования значительно более частотны в говорении женщин, что полностью соответствует их манифестации в обоих обсуждаемых рассказах. Принимая во внимание неисследованность проблемы в лингвистике и новизну полученных нами данных, приходится признать правомерность известного утверждения о том, что искусство, как правило, предвосхищает выводы научных изысканий. Во всяком случае, наши статистические данные полностью соответствуют ономастическому именованию в рассматриваемых рассказах.

Замена названных унификаций в реализующих их художественных текстах – коротких рассказах – сначала на соответствующие юридические имена (*Elizabeth* и *Алена*), а потом на тот дериват юридических имен, который использовался непосредственно в унификациях, оказалась весьма заметной для всех информантов. Так же, как и на этапе анализа фрагментов подлинного поведения, все они пришли к заключению, что замена ономастического именованья приводит к появлению новых нюансов как во всем тексте, так и самих субморфных унификациях. Примечательно, что выводы информантов, сделанные на основе рассмотрения художественных произведений – рассказов – значительно более уверенные, почти не содержащие предположительных форм.

Обобщая полученные данные, правомерно сделать вывод о том, что

1. Субморфные унификации с именем собственным являются весьма эффективным средством коннотирования дистантных отношений.
2. Данное коннотирование осуществляется градуально, в зависимости от языковых характеристик каждого объединения.
3. Наиболее сильными в сообщении кратчайшего расстояния являются построенные чисто по фонетическому принципу унификации, компоненты которых реализованы в диминутивной форме. Лексически асемантические составляющие в таких конструкциях начинают весьма сильно проявлять новый совокупный смысл, возникающий в новой фонетической и грамматической форме таких объединений и сигнализирующий отношения дистанции, чаще всего воспринимаемые как отношения теплоты, близости, фамильярности, связанности и т. п.

Полученные данные подтверждают известный тезис о том, что «используя мыслительный аппарат, язык определенным образом интерпретирует действительность» [2, с. 148], в том числе, как явствует из наших данных, и пространственные отношения в ней. «И совершенно неправы те, которые считают, что язык есть простое зеркальное отражение действительности» [2, с. 148 – 149]. И язык, и культура есть результат действия законов смыслообразования. В их реализации прослеживаются важнейшие для каждого социума особенности осмысления мира, пространственного его видения в том числе. Гендерные особенности данного видения, показанные на примере употребления унификаций с именем личным, заключаются в том, что женщины чаще оперируют близкими или максимально близкими расстояниями, проецируя с их помощью объекты обсуждаемых реалий, в то время как мужчины предпочитают более отдаленные. Даже наиболее близкие дистанции в их говорении значительно чаще получают созначения некоторой (*чуть-чуть!*) отстраненности за счет подтрунивающего, насмешливого характера образованных ими унификаций, логически обоснованной их семантики, в то время как семантика женских образований чаще базируется только на семантике используемых ими структур, а не на лексическом значении слов-конкретизаторов в составе унификаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путрова, М.Д. Гендерные особенности употребления унификаций с именем собственным / М.Д. Путрова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 81 – 88.
2. Лосев, А.Ф. Языковая структура / А.Ф. Лосев. – М.: Наука, 1983. – 309 с.

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И ЯЗЫК

Термин «дополнительность» восходит, как известно, к ставшей революционной в естествознании теории дополнительности Н. Бора. К 1926 г. в физике сформировались две системы описания: атоматричная и волновая механика [1, с. 166]. Первая доказательно представляла электрон как частицу, вторая – как волну. При этом обе теории были, несомненно, верными и подтверждались экспериментальными данными. Возникал вопрос: как такое могло быть и как следует интерпретировать названное очевидное противоречие? Ответ на данный вопрос был найден Н. Бором и представлен в его знаменитой теории дополнительности, которая в корне изменила понимание мира физиками. Ее революционизирующий смысл состоял в том, что не нужно выбирать между представлением об электроне как о частице или волне. Данные классические образы не исключают, а дополняют друг друга и только вместе могут достаточно полно описать объемную реальность мира. Примечательно, что Н. Бор был уверен в возможности применения сформулированного им принципа в других областях знаний – от биологии до социологии, философии и религии. В частности, размышляя о дополнительности культур, он убедительно показывает, что всякой человеческой культуре, замкнутой в себе, свойственно националистское самодовольство и что следует признать дополнительность разных культур как решающий фактор, позволяющий им вместе, в своей совокупности, создавать культуру человека.

Симптоматично, что из всех своих многих заслуг перед человечеством, Бор выбрал именно принцип дополнительности в качестве главного своего достижения и даже обозначил его на своем гербе. На изображенном на нем щите четко очерчен круг, наполовину светлый, наполовину темный, образованный слиянием двух криволинейных фигур, представляющих древнекитайский символ инь – янь. Девиз над щитом гласил на латинском языке «Несовместимости суть дополнительности» [1, с. 170].

Данный девиз, на наш взгляд, предлагает весьма конструктивную идею для интерпретации языка, особенно в плане гендерной его вариативности. Он позволяет осуществить по-настоящему целостный, холистический подход к объяснению сущности языка и гендерных стратификаций в нем.

Справедливо признать, что идея дополнительности (или комплементарности) уже высказывалась исследователями и ранее, особенно в сопредельных областях. Так, выдающийся герменевт и философ Шлейермахер в своем небольшом трактате «Празднование рождества или канун рождественских праздников: диалог об инкарнации» сделал важные замечания по поводу значимости гендерных вариантов употребления языка. Данный трактат весьма подробно и доказательно описывает разговоры прихожан, мужчин и женщин, в семейном кругу после их возвращения из церкви о значимости рождественских праздников. Мужчины чаще всего обсуждают концептуальные трудности инкарнации. Их маскулинный принцип организации интерактивного процесса основывается главным образом на сравнении и анализе. Женщины, напротив, предаются воспеванию гимнов Иисусу, которого воспринимают и знают чисто интуитивно, супра или сверхрационально, главным образом опираясь на некий более непосредственный опыт отношений с ним, и поэтому они выбирают язык, отражающий собственные переживания. Шлейермахер комментирует данную инаковость в осмыслении и языковой репрезентации рождества и сущности инкарнации как вполне правомерную и полагает, что женщины, безусловно, тоже правы, однако, к сожалению, их опыт вербального поведения пренебрегается, остается неосмысленным. Исследователь доказывает, что фактически оба подхода – более дивинаторный (фемининный) и аналитический, сопоставительный, анализирующий (маскулинный) – находятся друг с другом в отношениях комплементарности или дополнительности, в терминах теории Н. Бора, а не противопоставления. Оба подхода, убежден великий философ-герменевтик, необходимы для постижения глубины объекта. Фемининный принцип, однако, по мнению автора, церковью пренебрегался. Между тем каждый из данных подходов или методов ведения разговора предполагает существование друг друга или, в терминах автора, другого [2, с. 150]. Чтобы понять людей, их язык и окружающую их действительность, следует начинать с целого с учетом обоих основных способов интерпретации мира [2, с. 166].

Что произойдет, если мы сосредоточим свое внимание только на одном из данных методов? Отвечая на данный вопрос, Шлейермахер аргументировано заявляет, что следуя только дивинаторному методу, мы сделаем наши интерпретации слишком неопределенными, туманными. Если же, напротив, ограничимся только сравнительным, аналитическим методом, то рискуем превратиться в педантов [2, с. 151].

На первый взгляд может показаться, что его замечания касаются только так называемого дивинаторного аспекта процесса общения – обсуждения и толкования культовых тем и текстов. Современные исследования в области лингвистики и герменевтики, однако, убедительно свидетельствуют о том, что понимание и интерпретация предполагают использование множественных подходов. Что существует огромное разнообразие способов постижения сути объекта, ибо, как утверждает Шлейермахер, любой акт говорения, любое речевое действие соотносится а) как со всей совокупностью взаимоопределяющих сущностей языка, так и б) со всем разнообразием мыслей и жизненного опыта говорящих и слушающих субъектов [2, с. 97 – 98].

К сожалению, данные выводы известного философа и герменевтика не были приняты во внимание. Более того, они остались незамеченными даже теми, кто специально занимался историей вопроса изучения языка в гендерном плане. Исследователи в области гендерных штудий, особенно их герменевтического направления, вынуждены были открывать его заново.

В настоящее время герменевтика в том виде, в каком она представлена в гендерно ориентированной ее части, объединяет почти все главные выводы и положения герменевтической теории. На теоретическом уровне она предлагает важнейшую модель социально-практической герменевтики. Она основывается на принципе, что все тексты, в том числе и библейские, истолковывались таким образом, чтобы усилить и легитимизировать второстепенную или подчиненную социальную роль женщины. Данное обстоятельство побуждало к изменению и дополнению традиционной герменевтики. Вот здесь и возникает главная проблема настоящего исследования. Какой критический принцип был использован для того, чтобы восстановить равновесие, добиться полноценной интерпретации существующих текстов? Разные направления гендерных исследований, в том числе и герменевтической их области, по-разному отвечают на данный важнейший вопрос. Наиболее шумным, всколыхнувшим общественное мнение и широко известным является так называемое сексистское направление [3, с. 200 – 201]. Но наиболее оправданным и аргументированным среди них, по нашему убеждению, правомерно считать то, которое разрабатывается в рамках библейской герменевтики, особенно в трудах Р. Рутер. Последняя в качестве главного оружия в попытке переосмысления, реинтерпретации текстов и мира видит обращение к опыту женщин, включение его в арсенал опыта человека. Ведь именно он (женский опыт) был исключен из герменевтики [4, с. 112 – 113]. Важно при этом учитывать то, что исследователи-женщины не должны обратить «грех сексизма» в противоположную сторону, ущемляя мужскую часть человечества. Они «должны искать постоянно расширяющееся определение инклюзивного человечества, включающего все гендерные и социальные группы, все расы» [4, с. 116]. Поступая таким образом, человечество получит ключ к трансформации всех.

Представляется, что идеи Р. Рутер и других исследователей данного направления полностью соответствуют принципу дополнительности Н. Бора, позволяющему увидеть объект во всей его полноте. В нашем случае таким объектом является язык. Главная проблема при заявленном подходе состоит в том, чтобы сделать женский опыт говорения и письма, частный и маргинальный в традиционном сознании, достоянием всех. Неоценимую помощь в решении данной проблемы могут оказать тексты подлинного общения. Ведь любой аутентичный текст прекрасно запечатлевает и репрезентирует опыт и взгляд на мир создающего его говорящего или пишущего субъекта, как мужчины, так и женщины, представляет их предпочтительные способы языковой манифестации интерпретируемой ими окружающей действительности и событий в ней.

В настоящее время лингвистика имеет в своем распоряжении целый ряд способов и путей анализа текстов, позволяющих так или иначе проникать в опыт человека. На наш взгляд, одним из самых надежных следует признать тот, который предоставляет нам так называемая теория речевых действий. Она открывает возможности рассмотрения функционирования языка в реальных ситуациях общения, что предполагает изучение отношений, возникающих между системой и непосредственным языковым поведенческим актом, или между структурой и событием, структурой и мировидением человека, полностью вытекающим из его опыта или основывающимся на нем.

Для подтверждения сказанного можно привести результаты проведенного нами сопоставительного исследования вербального поведения в четырех культурах: белорусской, русской, американской и английской. Изучению подлежали значительные массивы записей подлинного общения, состоящие примерно из 40 000 слов текста в каждой культуре и отражающие вербальное поведение носителей языка в разных ситуациях частной и публичной жизни.

Одним из важнейших исходных постулатов исследования было убеждение в том, что основополагающей единицей репрезентации опыта говорящего субъекта в тексте (в нашем случае, в записях интерактивных событий) является, выражаясь словами Дж. Серля, не символ, слово или предложение как грамматическая конструкция, а речевое действие, запечатлевающее производство, возникновение, появление символа, слова или предложения в процессе говорения [5]. Целью исследования были идентификация разновидностей речевых действий в записанных текстах и анализ частотности установленных разновидностей в говорении разных групп говорящих субъектов с целью выявления возможных различий и общих черт в том, как они осуществляют концептуализацию мира, так или иначе репрезентируя свой опыт средствами языка.

Основываясь на фундаментальном исходном постулате, предложенном в приведенном выводе Дж. Серля, мы смогли осуществить идентификацию речевых действий в нашем материале. В ходе эксперимента широко использовались перечни речевых действий, представленные в известных трудах по теории вопроса. Некоторые наименования пришлось ввести в ходе идентификации, так как существующие классификации не смогли охватить все зафиксированные нами разновидности речевых действий. В результате был получен весьма внушительный перечень. Весьма примечательно, что все разнообразие дей-

ствий из нашего списка, в принципе, встречается в говорении представителей обоих гендеров, однако пропорции и сфера манифестации для большинства из них оказываются в определенной мере специфичными. А для некоторых из них весьма или даже в высшей степени специфичными. Сказанное особенно верно о действиях, которые, в терминах теории М. Халидзя, можно квалифицировать как матические (mathetic) или отношенческие (relational) и которые направлены на экспликацию счастья, сопричастности, совместности, привязанности и даже любви [6, с. 7]. Согласно данным анализа частотности употребления обсуждаемых действий в записях подлинного говорения в четырех культурах, они во всей своей совокупности и в отдельных разновидностях реализуются значительно чаще, правда, с определенными особенностями в зависимости от культурной принадлежности говорящих субъектов, в вербальном поведении женщин. Сказанное верно и о так называемых актах литании [7], фиксирующих разнообразные жалобы и причитания говорящих, правда, с еще большим размежеванием в зависимости от культурной идентичности коммуникантов.

Не составляет большого труда интерпретировать подобные акты и гендерные различия в показателях частотности их реализации в терминах широко известной теории сексизма в языке. Целесообразно, однако, воздержаться от подобных обобщений. Представляется более оправданным обратить внимание на гораздо менее известную теорию гендерных стратификаций в тексте и языке, инициированную в рамках герменевтического, в частности, библейского направления гендерных исследований и особенно на выводы Шлейермахера, считавшего оправданным говорить о комплементарности и гармонии как важнейших принципах организации языка и значимости всех способов манифестации смысла. Данные выводы представляются весьма оправданными. Не случайно они, правда, в более общем виде повторяются в теории дополненности Н. Бора.

В настоящее время все понимают значимость сохранения разнообразия в природе. Последнее воспринимается как наше общее благо. При этом ученые настаивают на мерах по сохранению и защите всех разновидностей флоры и фауны. Почему же мы должны относиться к языку иначе? Ведь разнообразие и социально детерминированная специфика реализации речевых действий, которая наблюдается в подлинном общении, также является нашим общим достоянием, которое может быть отличной основой для постижения богатств человеческого языка, культуры и опыта.

Мы полагаем, что лингвистика должна тщательно изучать проявления дополненности в языке вообще и по гендерному признаку, в частности, показывать отношения комплементарности, прослеживающиеся в особенностях употребления языка, в сохранении и репрезентации его средствами человеческого опыта во всем его разнообразии и особенностях. Было бы замечательно составить полный перечень всех речевых действий, встречающихся в общении человека, установить культурные и гендерные особенности каждого из них и представить полученные данные в обобщающем подробном словаре речевых действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрановская, Л. Нильс Бор и квантовая революция / Л. Петрановская // Физика. Энциклопедия. – М.: Аванта, 2009. – С. 161 – 172.
2. Schleiermacher, F.D.E. Hermeneutics / F.D.E. Schleiermacher // Ed. Heinz Kimmerle. – Missoula: Scholars Press, 1977. – 318 p.
3. Денисова, А.А. Сексизм / А.А. Денисова // Словарь гендерных терминов; ред. А.А. Денисова. – М.: Информация-XXI век, 2002. – С. 200 – 201.
4. Ruether, R.R. Feminist Interpretation: A Method of Correlation / R.R. Ruether // Feminist Interpretation of the Bible; ed. Letty M. Russel. – Oxford and New York: Blackwell, 1985. – P. 111 – 124.
5. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт / Дж.Р. Серль // Зарубежная лингвистика. – М.: Прогресс, 2002. – С. 210 – 228.
6. Halliday, M.A.K. Spoken and Written Language / M.A.K. Halliday. – Oxford: OUP, 1992. – 109 p.
7. Задворная, Е.Г. «Литания» в русском речевом общении / Е.Г. Задворная // Межкультурная коммуникация: Теория и практика. – Мн.: МГЛУ, 2007. – С. 10 – 12.